

ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

I

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Н. Н. ПОПЕ

К латинизации монгольского алфавита и переходу на новый литературный язык

В настоящее время, когда вопрос о принятии монголами, бурятами и калмыками нового латинизированного алфавита, а вместе с этим и вопрос о неизбежном переходе названных национальностей на новый литературный язык на основе живого разговорного языка получил свое разрешение, можно уже подвести итоги всему тому, что в области латинизации и связанных с ней мероприятий достигнуто.

Вопрос о замене старого монгольского алфавита латинским был впервые поднят еще за много лет до Октябрьской революции Б. Б. Барадиным (Бадзар Барадийн. Отрывки из бурятской народной литературы. *Вигиад зонoi уган еугеiin deejii*. СПб. 1910), но совершенно естественно, что в тогдашних условиях он реального осуществления получить не мог: этому препятствовал с одной стороны консерватизм, в вопросах письменности, господствующего класса в самой бурятской среде, а с другой не только отсутствие поддержки, но прямое противодействие этому начинанию со стороны царского правительства, для которого вопрос о замене несовершенных, устаревших национальных алфавитов другими, более совершенными, мог мыслиться лишь как переход на русский алфавит, который служил ему орудием национального угнетения, обеспечивая наиболее быстрые темпы руссификации. Главной же причиной, почему вопрос о замене старого монгольского алфавита не мог тогда получить своего разрешения, является то, что он был поднят в одной только Бурятии, без участия в этом деле Внешней Монголии, в которой, в тогдашних ее условиях, этот вопрос даже и не мог подниматься. При тогдашних условиях переход бурят на новый алфавит мог бы иметь своим последствием лишь

культурный отрыв бурят от всего остального монгольского мира, создавая таким образом благоприятную почву руссификаторской деятельности царских чиновников, которой бедная своими национальными культурными силами Бурятия того времени едва ли смогла бы противопоставить что-либо серьезное.

Таким образом вопрос о латинизации монгольского алфавита мог получить свое конкретное разрешение лишь после Октябрьской революции: являясь, по выражению Ленина, революцией на востоке, латинизация сама стала осуществимой лишь как результат Октябрьской революции, лишь в процессе развития революции, развития классовой борьбы в отсталых национальных республиках, в том числе Бурят-Монгольской АССР. Октябрьская же революция создала и другую предпосылку реального осуществления перехода на новый алфавит: обеспечив национально-революционное движение во Внешней Монголии, приведшее к освобождению Монголии от китайского ростовщического капитала, Октябрьская революция привела не к разобщению, но к теснейшему сближению Бурят-Монголии и Монгольской Народной Республики. По мере развития хода революции в Монгольской Народной Республике, по мере развития неизбежной, в обстановке ликвидации феодальных и капиталистических элементов, классовой борьбы, со взятием курса на некапиталистическое развитие страны, перед Монгольской Народной Республикой реально встал вопрос о переходе на новый, более совершенный алфавит, который мог бы явиться подлинным орудием социалистического строительства и культурной революции.

Совершенно естественно, что вопрос о переходе на новую письменность в Монгольской Народной Республике не сразу мог быть поставлен со всей решительностью, которой требует это дело: этому прежде всего мешало энергичное сопротивление со стороны остатков феодальных элементов в стране, прежнее чиновничество, которое составляло подавляющее большинство служащих государственного аппарата и имевшее достаточно авторитетных представителей в составе самого правительства. И если вспомнить о том, как сильны были еще несколько лет тому назад националистические течения в Монголии, наложившие резкий отпечаток на внутреннюю и внешнюю политику Монголии, станет совершенно понятным, почему поднятый в 1926 г. на Первом Культурно-национальном совещании БМАССР в Верхнеудинске вопрос о письменности (см. Материалы к Первому Культурно-национальному совещанию БМАССР. Издание Бурят-

Монгольского Ученого комитета. Верхнеудинск, 1926) опять таки не мог получить конкретного разрешения, именно в силу того, что для Монголии он был несвоевременным, несвоевременным в той националистической атмосфере, при тех панмонгольских настроениях, которые были так сильны в Монголии. И это понятно, ибо переход на новый алфавит, на новую письменность должен был явиться смертельным ударом для панмонгольского движения в Монгольской Народной Республике. Поэтому вопрос о латинизации в Монголии мог быть поставлен серьезно лишь после того, как наступил коренной перелом в Монголии, когда был решительно взят курс на некапиталистическое развитие, когда на VIII съезде Монгольской революционной партии было принято постановление всячески обеспечить и осуществить переход на новую письменность.

Вопрос о переходе на новый алфавит на основе латинского, каковым является и тот алфавит, который у тюркских национальностей заменил собою арабский, повлек за собою вопрос о новом литературном языке.

Огромный процент неграмотных в Монголии и в Бурятии, помимо обычных причин социально-экономического характера, объясняется еще тем, что изучение письменности было связано с изучением нового по существу языка, каковым являлся письменно-монгольский язык, сложившийся в очень давние времена, одинаково сильно отличающийся от всех живых монгольских языков и наречий, являясь для говорящего на любом из них вторым языком. Таким образом, грамотные по монгольски оказываются как бы двуязычными, поскольку письменный язык, не совпадая с разговорным, представляет собою язык подчас весьма отдаленно лишь напоминающий современные живые языки. И это несмотря на то, что письменный язык, сложившись в отдаленные времена, все же не застыл на одной точке, но продолжал развиваться в пределах тех возможностей, которые для него существовали, и несмотря на то, что между письменным языком и живыми существовало взаимодействие, взаимное влияние друг на друга, выражавшееся в проникновении элементов разговорного языка в письменный и наоборот. Можно себе легко представить поэтому, насколько чуждым и малопонятным должен был быть письменный язык для представителей таких наречий, которые остались совершенно в стороне от этого взаимодействия, как например эхрит-булгатский говор бурятского языка, распространенный в совершенно бесписьменной — во всяком случае бесписьменной с точки зрения отсутствия национальной письменности — среде. И одним из

главных препятствий распространения грамотности, одним из главных тормазов в этом деле и одним из главных факторов задерживавших ликвидацию неграмотности, повижавших темпы этой ликвидации, являлось как раз то обстоятельство, что язык письменности был иной, чем родной язык. Если изучить алфавит можно в несколько недель или, при наилучших условиях, в несколько месяцев, то изучение архаичного языка монгольской письменности, являвшегося классовым языком, языком феодального делопроизводства, чиновничества, требовало значительно большего времени. Латинизация монгольской письменности была бы полумерой, если бы дело ограничилось одной только заменой старого алфавита новым. Поэтому вопрос о переходе на новый алфавит привел к постановке вопроса о том, что должен собою представлять тот литературный язык, который придет на смену существующему.

Вопрос о литературном языке приобретает совершенно особое значение для бурят, представляя для них довольно серьезные затруднения. Дело в том, что единого бурятского языка нет, так как наличие единого национального языка предполагает ведь совсем иную структуру общества, чем у бурят недавнего прошлого. Единый бурятский язык не существует, и на месте такового мы наблюдаем ряд наречий или диалектов, более или менее сильно отличающихся друг от друга как в отношении фонетики и морфологии, т. е. по внешним, формальным признакам, так и в отношении словарного запаса и в области семантики, т. е. уже по содержанию отличающихся друг от друга. Таким образом вопрос о том, какому наречию лечь в основу литературного языка, для бурятского мог бы быть решен, на первый взгляд, с одинаковым успехом в пользу любого наречия его, поскольку все они до известной степени отличаются друг от друга, тем более, что при отсутствии достаточных кадров своего национального пролетариата, который составлял бы большую часть населения определенной местности и при условиях, что страна лишь начинает строить свое социалистическое хозяйство, свою промышленность и т. д., еще очень трудно указать, который из диалектов имеет наибольшие шансы стать языком района с наибольшей численностью пролетариата. В противоположность Бурятии Халха со своим населением, составляющим большинство населения Монгольской Народной Республики, представляет собою страну с почти единым, однородным по всей территории своего распространения, языком. Конечно, и на территории Халхи можно обнаружить наличие диалектов, напр., особе-

диалекты на юге, западе, востоке и т. д., но они отличаются друг от друга порой в столь незначительной степени, что нужно быть хорошим знатоком языка, чтобы обнаружить эти отличия. Таким образом, если вопрос о литературном языке для халха-монголов разрешается сам собою, этот же вопрос для бурят, как оказывается, представляет собою известные затруднения. Нужно, к сожалению, констатировать, что конференция по латинизации монгольского языка, созванная в Москве в январе 1931 г., сильно увлекшись монгольскими делами, до известной степени оставила в тени вопрос о бурят-монгольском литературном языке. В результате этого было вынесено далеко не четкое постановление о том, чтобы в основу нового бурятского литературного языка был положен халха-монгольский разговорный язык с оговоркой, что лишь в основу. При этом имелось в виду, что вопрос этот не должен решаться в том смысле, что буряты должны писать на чисто халхаском языке, что фактически было бы механистическим решением вопроса и насилием над бурятами. Это должно было значить, что по внешним своим признакам, по признакам фонетическим и морфологическим, новый литературный язык в основном будет халхаским, но в это же время в него будет широко открыт доступ словарным элементам из живого разговорного бурятского языка, вернее всех его диалектов, чем должно было обеспечиваться создание общего для бурят и монголов литературного языка на основе живого языка аратских трудящихся масс. К сожалению, повторяю, конференция не дала четких указаний на этот счет, как это конкретно осуществить, предложив этот частный вопрос подвергнуть обсуждению на специальной конференции в Бурятии. Вместе с тем конференция не приняла мер к опубликованию стенограмм докладов, прений и резолюций (во всяком случае, когда статья пошла в набор, таковые еще не увидели света), что опять таки вредно отразилось на деле проведения в жизнь постановлений конференции. В результате, на наш взгляд, не является неожиданным, что в деле практического проведения латинизации в Бурят-Монголии, со всей очевидностью вскрылись отдельные «загибы» в сторону усиленной халхасизации нового литературного языка без учета особенностей бурятского разговорного языка, что бригадой Обкома было совершенно правильно квалифицировано как проявление панмонголизма. Бурят-Монгольский областной комитет партии вместе с тем дал, наконец, и единственно правильное разрешение вопроса о новом бурятском литературном языке, предложив взять за основу его селенгинское наречие бурят-

ского языка, осудив все бесплодные и вредные попытки создать какой-то искусственный язык из кусочков отдельных наречий бурятского языка.

Обращаясь к рассмотрению алфавита, который является ныне принятым как монголами, бурятами, так и калмыками, следует заметить, что свой окончательный вид он принял не сразу.

На конференции 1930 г. в Верхнеудинске был принят первый проект этого алфавита, который впоследствии подвергся существенным изменениям. Первый проект предусматривал создание алфавита, в котором почти совершенно отсутствовали буквы с диакритическими значками: так напр., шипящие *š*, *č*, *ž* согласно этого проекта должны были передаваться комбинациями знаков *sh*, *ch*, *zh*, задний *и* передаваться знаком *v*, а передний *и* знаком *и*. Единственное исключение представляла собою буква *е*, передающая звук *о*. Проект этот, имеющий свои несомненные достоинства, все же справедливо навлек на себя нарекания со стороны Центрального комитета Нового алфавита, и на пленуме в городе Алма-Ата весной 1930 г. было предложено согласовать алфавит с унифицированным новотюркским алфавитом. Таким образом, когда была созвана конференция 1931 г. в Москве, фактически уже действовал алфавит, согласованный с новым тюркским, который незадолго до того был принят и калмыками, еще несколько лет тому назад принявшими алфавит на основе русского, но потом перешедшими на новый латинский алфавит. Приняв новый латинский алфавит, буряты и калмыки до конференции 1931 г. пользовались различными знаками этого алфавита в разных значениях: так напр., калмыки пользовались знаком *ç* в значении русского *ц*, а буряты в значении русского *ч*, при чем наоборот, знак *с* служил бурятам как знак для звука *и*, а калмыкам — знаком для звука *ч*. Первой и основной задачей конференции 1931 г. являлась поэтому унификация алфавита, устранение разнобоя в использовании одних и тех же знаков в алфавитах калмыцком и монгольском. В своей окончательной редакции монгольский алфавит принят в составе 27 знаков, приведенных в табличке на стр. 25.¹

От этого алфавита несколько отличается новый калмыцкий алфавит, в который, соответственно особенностям калмыцкого языка, включено еще несколько дополнительных знаков, в том числе знак редуцированного гласного и палатализации согласного.

¹ В каждой клетке под знаком нового алфавита дается эквивалент фонетической латинской транскрипции.

С вопросом алфавита можно таким образом покончить, поскольку он никаких затруднений ни для кого не представляет, чтобы теперь перейти к вопросу о новом литературном языке и его орфографии.

Приняв решение о создании нового литературного языка, на основе разговорного халхаского языка, конференция дала окончательное разрешение этого вопроса для Монгольской Народной Республики. Оставалось лишь создать орфографию этого литературного языка.

A a	B b	C c	Ç ç	D d	E e	F f*	G g	H h*
<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>ç</i>	<i>d</i>	<i>e</i>	<i>f</i>	<i>g</i>	<i>h</i>
I i	J j	K k	L l	M m	N n	O o	Ө ө	P p
<i>i</i>	<i>j</i>	<i>x</i>	<i>l</i>	<i>m</i>	<i>n</i>	<i>o</i>	<i>ö</i>	<i>p</i>
R r	S s	Ş ş	T t	U u	V v*	Y y	Z z	Z z
<i>r</i>	<i>s</i>	<i>ş</i>	<i>t</i>	<i>u</i>	<i>v</i>	<i>y</i>	<i>z</i>	<i>ž</i>
* Для иностранных слов.								

Орфография может строиться по различным принципам. Проще всех и представляющей наименьшие затруднения для создания системы правописания, является орфография фонетическая, т. е. такая, которая предусматривает точнейшую передачу речи в письме с учетом всех звуковых особенностей ее. Создание такой орфографии является делом наиболее легким, поскольку принцип «пиши как слышишь» избавляет от необходимости создания каких-либо правил, которыми мог бы руководствоваться пишущий, поскольку пишущий, в конце концов, предоставляется самому себе и сам должен решать, как ему писать в том или ином случае. С этой точки зрения правописание чисто фонетическое является, если угодно, отсутствием системы правописания, поскольку на место единой и строго проводимой системы ставится бесконечное количество правописаний, так сказать, индивидуальных, создаваемых каждым для себя на основе собственного знания языка и индивидуального отношения к его явлениям. Нечего доказывать здесь, что такая система ультра-фонетического правописания явилась бы высшим злом, так как привела бы к полной анархии правописания, не говоря уже о том, что такая установка в деле правописания является методологи-

чески неприемлемым сугубым индивидуализмом, в то время как письменность, долженствующая быть массовой, должна строиться не на личном отношении к языку, не на субъективном восприятии его, а на массовом языке, с учетом его специфической природы, игнорируя особенности индивидуального произношения, которое не должно стоять в центре внимания и должно приниматься в расчет лишь постольку, поскольку в нем как в единичном, проявляется то общее, которое представляет собою массовый язык, который и должен быть критерием для построения орфографии. Прямой противоположностью этой ультра-фонетической орфографии правописания является историческая орфография, которая передает речь не в ее современном живом произношении, но наоборот отражает произношение прежних эпох. Поскольку орфография нового литературного монгольского языка создается лишь теперь, вопрос о создании орфографии не на основе языка современного, но на основе языка минувшей эпохи, не может ставиться и сам собою отпадает. Наиболее удовлетворяющим требованиям, которые можно предъявить орфографии нарождающегося литературного языка, является смешанный принцип фонетически-этимологический: фонетический — лишь постольку, поскольку точно передаются только те звуки, на различении которых основано смысловое различие слов, и этимологический — постольку, поскольку при написании тех или иных форм слова учитываются другие формы, в которых это же слово встречается и которые способны внести в наши представления о звуковом составе данного слова весьма существенные поправки. Так напр., можно указать, что на конце монгольских слов слышатся только глухие смычные *p*, *t* и т. д., почему такое слово, как *odot* 'звезды' можно было бы условиться писать с *t* на конце, поскольку там действительно слышится *t*. Однако, ввиду того, что на месте этого *t*, когда конечный звук этот в иных формах этого слова оказывается в положении между гласными, слышится *d*, написанию *odot* безусловно следует предпочесть написание *odod*, в виду формы *ododör* 'звездами' и т. д. Правописание нового литературного языка в этом отношении напоминает несколько систему, напр., русской орфографии: ср. такие написания как *вход*, *сад*, *сдвин* и т. д., которым в живом произношении соответствуют формы с глухими *m* и *k* на конце, которые, однако, необходимо предпочесть написаниям с *m* и *k* на конце именно ввиду наличия форм *входа*, *саду*, *сдвини* и т. д.

Тем, что для монгольского литературного языка был принят этот принцип правописания, был сделан единственно правильный шаг, ибо такой

принцип построения орфографии максимально обеспечивает сравнительно быстрое и легкое усвоение орфографии такого фонетически довольно трудного языка, каким является монгольский язык, в котором различные чередования занимают весьма важное место. Такая система правописания обеспечивает распространение грамотности и установление действительного единообразия в письменной передаче речи, поскольку она своими, в общем очень четкими, правилами, о которых речь будет сейчас, исключает ошибки, погрешности против орфографии, на почве неизбежной неуверенности в предпочтительности того или иного варианта из нескольких возможных, выбор которых был бы предоставлен личному вкусу пишущего или его сознательности в вопросах языка, которой трудно ожидать у рядового грамотного.

Переходя к орфографии нового литературного монгольского языка, следует прежде всего остановиться на вопросе о долгих гласных.

Долгие гласные играют в монгольском языке чрезвычайно важную роль, и очень многие слова отличаются от созвучных с ними только долгой одного из своих гласных, ср. напр., такие слова, как

<i>daga</i> 'следу́й'	<i>dāga</i> ¹ 'жеребенок по второму году'
<i>del</i> 'грива'	<i>dēl</i> 'шуба'
<i>der</i> 'подушка'	<i>dēr</i> 'наверху'
<i>bol</i> 'сделайся'	<i>bōl</i> 'раб'
<i>boro</i> 'серый'	<i>borō</i> 'дождь'
<i>jasan</i> 'костяной'	<i>jāsan</i> 'что сделавший'
<i>ula</i> ' подошва'	<i>ūla</i> 'гора' и т. д.

Долгота гласного играет кроме того весьма существенную роль как морфологический показатель, ср. напр., следующие примеры:

<i>modo</i> 'дерево' (им. п.)	<i>modō</i> 'свое дерево' (вин. п.)
<i>tala</i> 'равнина'	<i>talā</i> 'свою равнину' и т. д.

¹ В даваемых здесь примерах долгота передается черточкой над знаком гласного, как это принято в существующих системах транскрипции, поскольку здесь приводятся не примеры, иллюстрирующие правила правописания, а примеры живого произношения.

Естественно поэтому, что при построении правил орфографии вопрос о долгих гласных привлек к себе большое внимание и был разрешен в том смысле, что долгие гласные в любом слоге должны передаваться повторным написанием гласного, т. е. *aa*, *oo*, и т. д., напр., *uula* 'гора', *boroo* 'дождь' и т. д. Такая система обозначения долгот имеет несомненное и совершенно неоспоримое преимущество перед системой обозначения долгих гласных знаками с черточкой над ними, так как писание этой черточки требует отрыва руки, а кроме того значительно увеличивает количество знаков в наборной кассе, не говоря уже о том, что такая черточка может быть легко опущена по небрежности, рассеянности и т. д., что неизбежно приведет к путанице и недоразумениям.

Очень простым и легко разрешимым является вопрос об изображении дифтонгов *ai*, *oi* и т. д., которые передаются обычными знаками *ai*, *oi*, *wi* и т. д., напр., *dalai* 'море', *pokoi* 'собака' и т. д.

Самым трудным вопросом орфографии нового литературного языка является бесспорно вопрос о том, как передавать редуцированные гласные, наблюдающиеся в непервых слогах слова. Дело в том, что качество этих гласных настолько неопределенно, что они допускают самые разнообразные способы их передачи в письме. Обычно эти редуцированные гласные ассимилируются гласному первого слога и в отношении своего качества — поскольку последнее, конечно, определимо хотя бы весьма приблизительно — напоминают их, почему во многих системах транскрипции принято передавать краткие гласные непервых слогов теми же знаками, что гласный первого слога данного слова, что не представляет собой резкого противоречия действительности.

Система эта, приемлемая, с известными оговорками, для диалектологических записей, не является идеальной в качестве правила орфографии, так как эти редуцированные гласные в различных формах слова чередуются с долгими, качество которых сплошь да рядом не совпадает с таковым первого слога, а вместе с тем и качеством редуцированного гласного, если вообще можно говорить о качестве последнего, ср. напр., *usi* 'вода' — *usār* (в правописании *usaar*) 'водой'. Кроме того эта система неудобна тем, что определение качества редуцированного гласного предоставляется опять таки пишущему, поскольку ему не даны твердые правила, как изображать эти гласные во всех случаях. Поэтому был предложен иной способ их передачи, а именно передавать все задние редуцированные гласные, независимо от

их качества, знаком *a*, а все передние кроме *i* знаком *e*. Но эта система, в свою очередь, создает ряд затруднений следующего порядка. Дело в том, что между гласными непервых слогов и первого слога существуют известные взаимоотношения, и качество гласных непервых слогов обуславливается качеством гласного первого слога. Так напр., гласным суффикса в форме *modoor* 'деревом' является долгий *o*, в то время как в той же форме слова *kada* таковым является долгий *a*, что в первом случае объясняется влиянием *o* первого слога на следующий долгий гласный. Поэтому если слово 'дерево' условимся писать *toda*, передавая знаком *a* редуцированный гласный второго слога независимо от того, какого он качества, получится большое неудобство в том отношении, что, образуя форму творительного падежа, мы вынуждены будем произвести замену гласного *a* долгим гласным *o*, в то время как, можно было бы для слова 'дерево' предложить написание *modo*, которое от замены гласного другим нас избавляет, сокращая этим самым количество чередований, тем более, что в данном случае мы имели бы даже не фонетическое, а так сказать, графическое чередование *toda* — *modoor*, вместо чего можно предложить *modo* — *modoor*: во второй форме мы имеем лишь удлинение *o*, а не замену гласного другим, что представляет собою несомненное удобство. Таким образом было принято передавать редуцированные гласные следующим образом:

П о с л е:	В следующем слоге пишется:	
<i>a, aa, ai</i> }	}	Кроме того <i>i</i> , который может следовать за слогом с любым гласным и в общем сохраняет свою артикуляцию хорошо.
<i>u, uu, ui</i> }	}	
<i>o, oo, oi</i>	<i>o</i>	
<i>e, ee, ei</i> }	}	
<i>y, yy, yi</i> }	<i>e</i>	
<i>ө, өө</i>	<i>ө</i>	
<i>i</i>	}	
	}	
	}	
	}	

Что касается закона сингармонизма, то он в орфографии нового литературного письменного языка проводится с большой последовательностью.

За слогом с вокализмом:

a, aa, ai, u, um, ui
o, oo, oi
e, ee, ei, y, uy, yi
ө, өө
i, ii

Может следовать слог с вокализмом:

<i>a, aa, ai</i>	}	<i>um, ui</i>	}	
<i>o, oo, oi</i>	}			
<i>e, ee, ei</i>	}	<i>uy, yi</i>		}
<i>ө, өө</i>	}			
<i>a, aa, ai, um, ui,</i>				}
<i>e, ee, ei, uy, yi</i>				

Переходя к согласным, можно заметить прежде всего, что в конце слова, а также слога, по правилам орфографии нового литературного языка, следует из знаков для смычных писать только знаки для слабых смычных, т. е. *b, d, g*, так как попадая в положение между гласными эти смычные произносятся как слабые и в большинстве случаев как звонкие, напр., *bulag* 'источник' — *bulagaar* 'источником' — *bulagta* 'источнику'.

Что касается заднеязычного *n*, т. е. *ŋ*, то для такового алфавитом особый знак не предусмотрен, так как каждый *n* на конце слова монголами и бурятами произносится именно как *ŋ*, почему в этом положении он может передаваться знаком *n*. Далее *ŋ* встречается еще в середине слова только перед *g* и *k*, перед которыми *n* переднеязычный не встречается. Таким образом знаком *n* передаются два звука — звук *n* (русск. *n*) в положении перед гласными и всеми согласными кроме *g, k* и звук *ŋ* в конце слова и перед *g, k*.

Обращаясь к грамматике нового литературного языка, можно заметить, что из нее исключаются формы старого письменного языка, так что и грамматика строится исключительно на основе грамматики разговорного халхаского языка. Так напр., в грамматике нового литературного языка не будет места формам на *түү* настоящего времени, *дур* дательного падежа, *и* родительного падежа и т. д., место которых уступается соответствующим формам разговорного языка. В настоящей краткой статье невозможно подробнее останавливаться на этом вопросе, ибо иначе статья выльется в подробную описательную грамматику нового литературного языка, в чем нет никакой надобности, поскольку существуют грамматики разговорного халхаского языка, в которых всегда можно навести нужную справку.

Такова в самых общих чертах орфография нового литературного языка. Построенная в строгом соответствии с явлениями разговорного халхаского языка, она никаких затруднений халхасам представлять не будет. Несколько иначе обстоит дело с бурятами, для которых не все так просто и легко, как для халхасов. Прежде всего можно заметить, что в очень многих бурятских диалектах совершенно не различаются *ө* и *у*, напр., в диалектах всех хоринских бурят, в том числе агинских; точно так же *ө* и *у* спутаны во многих словах в диалекте боханских бурят и т. д. На этой почве возможны колебания в правописании в бурятских изданиях, так как критерии для различения этих звуков у бурят отсутствуют, и колебания и непоследовательности в написаниях уже наблюдаются в статьях и заметках на новом литературном языке, напечатанных в транскрипции латинским алфавитом в верхнеудинской газете *Үнел* («Правда»). Другой чрезвычайно трудный для бурят вопрос, это вопрос о том, где писать *ç* и где *ş*, так как в бурятском языке отсутствует звук *ç* и халхаскому *ç* там соответствует всегда *ş*.

После всего сказанного встает вопрос о том, когда латинизация реально будет проведена в жизнь.

В Бурят-Монгольской АССР работа по латинизации идет уже полным ходом. Государственным Институтом культуры и Наркомпросом приняты самые решительные меры и в очень короткий срок достигнуты уже некоторые существенные результаты. Так напр., издана уже книга тов. G. Rinçenii. *Şine biçeg* («Новое Письмо»), а в газете *Үнел* («Правда») в отделе *Şine biçegiin bulam* («Уголок новой письменности») печатаются статьи, обзоры и корреспонденции с мест на новом алфавите. Взятые темпы полностью обеспечивают переведение всего делопроизводства и дела просвещения на латинский алфавит в течение ближайших лет, как это было в свое время постановлено. В Монгольской Народной Республике дело обстоит по ряду совершенно понятных причин менее блестяще, ибо несмотря на ряд энергичных мероприятий, как напр., издание плакатов и брошюр о новом алфавите, а также не смотря на попытки давать статьи и корреспонденции на новом алфавите в газете, латинизация может быть проведена в течение ближайших лет лишь в самом Уланбаторе, в худоне же об этом можно будет мечтать лишь после этого. Главная причина этой задержки — отсутствие кадров, создать которые едва ли можно будет в самом ближайшем времени. Но и то, что уже сделано, показывает, что реальное осуществление лати-

низации и в Монголии является вполне обеспеченным. Новый алфавит безусловно привьется очень скоро. Это тем более так, что грамотность в Монголии сейчас стоит на очень низком уровне и поэтому процент переобучаемых будет весьма невелик, изучение же нового алфавита является делом столь легким, по сравнению с изучением старой письменности, что количество грамотных на новом алфавите будет неуклонно и быстро расти. Помимо низкого процента грамотных на старом алфавите, можно привести еще другую причину, по которой в Монголии новый алфавит будет быстрее распространяться, чем это имело место, напр., в некоторых тюркских республиках: это то, что монгольское духовенство не сможет оказать никакого влияния на это дело, поскольку ламство в своем большинстве неграмотно по-монгольски, так как языком религии и буддийской науки является тибетский язык с его письменностью. Таким образом новый алфавит и новый литературный язык могут рассчитывать на противодействие мерам их распространения главным образом только со стороны светских реакционных элементов, остатков феодализма в лице прежнего чиновничества и нойонов. А это враг значительно менее численный, чем огромное ламство, являющееся довольно пассивным в этом вопросе. Итак латинизация имеет все шансы стать делом реально осуществленным и в Монголии.

Но что же будет со старым алфавитом, со старым письменным языком? Будет ли он немедленно и полностью сдан в архив? На этот вопрос нужно ответить со всей решительностью отрицательно. Дело латинизации будет закончено и в Бурятии еще не сегодня и некоторое время в Бурятии будут сосуществовать обе письменности — старая и новая. Значительно дольше старая письменность сохранится в Монгольской Народной Республике, где стопроцентная латинизация будет осуществлена не в ближайшие годы. Кроме того не следует забывать, что во Внутренней Монголии о латинизации еще не может быть и речи, а порывать всякие сношения со Внутренней Монголией не входит в расчеты Монгольской Народной Республики. Таким образом старая письменность еще неизбежно должна будет сосуществовать некоторое время, сосуществуя с новой, которая ее будет постепенно все больше и больше вытеснять.

Созданием алфавита, а также выбором литературного языка и составлением правил его орфографии вопрос еще не исчерпан. Большим местом в деле развития монгольской письменности всегда был вопрос терминологии. Революция в Монголии, опрокинувшая и сметшая со своего пути феода-

лизм, выведшая страну из того застоя, в котором она пребывала в течение чрезвычайно длительного периода, предшествующего революции, коренным образом изменяет экономику страны, ставя ее на путь некапиталистического развития. Вместе с экономикой коренным образом перестраивается и все остальное. Между тем, языку, унаследованному от феодальной эпохи, чрезвычайно трудно справиться с тем потоком новых понятий, которые принесла и несет с собой ежедневно революция. Сказать, чтобы язык совершенно не справлялся с этой задачей, было бы несправедливо, ибо некоторая терминология уже существует и продолжает возникать в процессе возникновения тех или иных новых понятий. Но качественно эта терминология является в ряде случаев весьма мало удовлетворяющей. В большинстве случаев современные термины оказываются дословными переводами основных значений слов других языков, употребляемых в последних как термины. Что такой метод создания терминов является не всегда удачным можно себе легко представить, так как европейские термины ныне уже перестали в большинстве случаев ассоциироваться с основными значениями тех слов, от которых они образованы, между тем как в монгольском языке эти ассоциации еще живы. И таким образом получается, что такие понятия, как 'социализм', 'республика', 'революция' и т. д. на монгольском языке передаются терминами, дословный перевод которых даже отдаленно не имеет ничего общего с теми понятиями, которые они должны передавать. Нужно кроме того указать еще на то, что термины вроде уже упомянутых, по самому своему характеру интернациональны, почему является ошибочным замена их переводами на монгольский язык, искусственными, чисто монгольскими терминами, являющимися, что тоже важно, весьма тяжеловесными и неповоротливыми.

В настоящее время вполне понятно, почему так случилось: это одно из проявлений того панмонголизма, того национализма, который еще так недавно был весьма силен в тех кругах служащих госаппарата и в самой среде даже правительства, которые были связаны с феодальными элементами страны. Январская конференция 1931 г. взяла поэтому безусловно правильную установку, когда постановила искусственных и искажающих смысл терминов, относящихся, наур., к международному революционному движению, не создавать, открывая взамен этого доступ в язык интернациональным терминам. Монгольские же термины, согласно решениям конференции, должны попрежнему играть роль там, где это действительно необходимо и возможно без ущерба делу.

Латинизация монгольского алфавита, создание нового литературного языка на основе живого разговорного языка трудящихся аратских масс знаменует собою новую эпоху в истории Монголии. Вместе с отсталой экономикой, с экстенсивным, весьма примитивным скотоводством, с остатками феодализма уходит и та письменность, которая в течение нескольких столетий культивировалась в феодальных канцеляриях старой Монголии, которая с полным правом может рассматриваться как письменность феодального класса. Ей на смену, на смену старому письменному языку феодалов, идет новая письменность, новый литературный язык на основе разговорного языка широких трудящихся аратских масс Монголии. Подлинная революция только теперь докатывается до отдаленных глухих углов худона.
